

Уеду в маленький южный город,
где крики чаек текут за ворот.
Уеду холить на солнце холку,
чесать в затылке да спать подолгу
без сновидений.
Если удастся
тихо прокрасться
мимо гранитных столпотворений.
Если случится
вдруг отключиться
от невралгии прикосновений,
сбитых ступеней,
мокрых от грусти.
Если Владыка — Невский отпустит,
чопорно-пошлый, замшевошпинный,
старый бездельник с гордою миной
на гладкощеком лице вельможи.
Что там Обводный — кости да кожа,
Что там Московский — прост, как прямая,
длинный и плоский, в позе трамвая.
Можно остаться — не выгоняют,
камни на ветер слов не роняют,
можно остаться — стены поверят,
тем, кого помнят, стены — не звери.

Но отвергая парламентаров,
око за око, норов на норов.
Если не можешь, если не молод,
надо уехать в маленький город.

1988

* * *

По бездорожью нас несло, по бездорожью,
кипела вьюга, растворяя жир подкожный,
скрипели сосны, словно старые колеса...
Куда мы едем, дорогой? Не до расспросов.
Не до упреков, не до слез, не до прощания.
Упали навзничь два столба — не до венчания,
и словно спугнутые тьмой, степные кони,
метались фары, отрываясь от погони.
По безнадёжью, через мост, до беспросвета,
на десять бед один ответ — не жди ответа.
За десять лет один совет, одна награда:
Зачем так быстро, дорогой? Терпи, так надо!
Машина — в куст, кабина — вхруст, водитель в мыле.
Где чемоданы, где узлы? Не накопили.
Не донесли, все растрясли, одна солома.
По чарке водки у костра — вот мы и дома.
А ночь, как будто до утра — как до Парижа,
а ночь, как будто у костра огня не вижу.
Лишь тает снег под каблуком, да тени кругом.
За кем мы гнались? За собой и друг за другом.

* * *

Он и сам, конечно же, маленький,
лет семи-восьми мальчуган,
обувает в калоши валенки,
и кладет леденец в карман,
и шагает за руку с бабушкой,
простынею снегов шурша,
и урчат в животе оладушки,
и тоскует со сна душа.
А вокруг такая же странная
бледнолицая детвора,
с кожей тонкою, целофанною
в школу движется со двора.
«Праздник знаний, проснись же, деточка,
вот ужо станешь ты большим».
Под ногою хрустнула веточка...
«Сколько дел еще совершим!»

Под ногою хрустнула веточка,
покатилась в откос страна.
«Праздник жизни, проснись же, деточка,
все свое получи сполна».
Он и сам, хоть и хваткой слабенький,
легкомысленный «фулюган»
на коня мечтал, да за сабельку,
да за пазухой чтоб наган.
Но тому, кто за руку с бабушкой
праздник знаний испил сполна,
но тому, кто ценил оладушки,
рать диванная — мать родна.
Под ногою хрустнула веточка,
провалился трухлявый пенёк,
«Праздник смерти, проснись же, “деточка”»,
но ему просыпаться лень.
А вокруг такие же странные,
бледнолицые старички,
с кожей тонкою, целофанною,
робко щурят свои очки.